

Ж 4363

ISSN 0042-8779

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В Н О М Е Р Е:

ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
КРАХ МОНАРХИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ
РОССИЯ — ИСПАНИЯ: ВЗАИМОСВЯЗИ В XV—XVI ВВ.
ДЕРЖАВЫ И МИРНЫЙ ДОГОВОР С ИТАЛИЕЙ
РУССКИЙ ДЕЯТЕЛЬ КОНЦА XVII в.
ПЕРВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ПАРТИЗАН

7

МОСКВА · 1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

НОВЫЕ ГОРОДА — НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

(НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП УРБАНИЗАЦИИ СССР)

Л. И. Васькина, О. В. Хлевнюк

Еще несколько десятилетий назад наша страна по составу населения была преимущественно крестьянской. В 1926 г. в городах насчитывалось немногим более 26 млн. человек, т. е. примерно 18% жителей страны. Решающую роль в возникновении новых и преобразовании прежних городов сыграла социалистическая индустриализация. Именно она обусловила высокие темпы и огромные масштабы урбанизации страны.

Об индустриализации СССР написано много¹. Однако основное внимание в литературе уделяется экономическим проблемам и непосредственно — техническому перевооружению страны. Беднее выглядит на этом фоне разработка социальных аспектов индустриализации, одним из которых стало формирование нового образа жизни в социалистических городах. Чтобы полнее представить происшедшие перемены, посмотрим, что представляли собой города и горожане нашей страны накануне этого исторического рубежа.

К 1926 г. с созданием новых административно-политических единиц — союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов — большая группа населенных пунктов получила статус городов; одновременно часть городов была преобразована в села или поселки городского типа. Всего в стране к тому времени насчитывалось 709 городов². Два из них были «миллионерами» — Москва (немногим более 2 млн. жителей) и Ленинград (1,6 млн.). В Киеве, Баку, Одессе, Харькове, Ташкенте, Ростове н/Д. и ряде других городов количество жителей колебалось от 300 до 500 тысяч. Городов, в каждом из которых проживало не менее 100 тыс. человек, насчитывалось 31. Располагались они по стране неравномерно. Например, на Среднюю Азию приходилось лишь два — Ташкент и Самарканд, на Сибирь и Дальний Восток — четыре (Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Омск). В Белоруссии «столицей» был только Минск, в Грузии — Тифлис (Тбилиси).

Большую часть населения крупных городов, как правило, составляли рабочие и служащие. Однако немало было и таких, где костяк жителей формировался из кустарей, ремесленников, торговцев, частных предпринимателей, лиц свободных профессий, а также занятых сельскохозяйственным трудом. Особенно много рабочих было в таких промышленных центрах, как Сталино (Донецк), Иваново-Вознесенск, Тверь (Калинин), Ярославль, Тула, Баку, Днепродзержинск. Служащие составляли самую большую группу населения в Свердловске, Харькове, Москве, Ростове-н/Д., Воронеже, Новосибирске. А в Киеве, Одессе, Ташкенте, Казани,

¹ См., напр.: Лельчук В. С. Социалистическая индустриализация СССР в ее освещении в советской историографии. М. 1975; его же. Индустриализация СССР. История, опыт, проблемы. М. 1984; Кузьмин В. И. В борьбе за социалистическую реконструкцию, 1926—1937 гг. М. 1976; От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР, 1917—1937 гг. В 2-х тт. М. 1981; История советского рабочего класса. Т. 2: Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества, 1924—1937 гг. М. 1984.

² Хорев В. С. Городские поселения СССР. М. 1968, с. 215.

Минске, Самарканде больше было кустарей, ремесленников, торговцев и других представителей средних слоев³.

Социальная неоднородность являлась характерной чертой не только населения городов в целом, но и отдельных его слоев, в том числе рабочего класса. Передовые группы, связанные с машинным производством на фабриках и заводах, а также с работой в депо и железнодорожных мастерских, преобладали среди рабочих таких городов, как Сталино, Казань, Оренбург, Воронеж, Омск. Прослойка строителей, как правило, была повсюду небольшой. В ряде городов (Казань, Воронеж, Тифлис, Минск, Владивосток) значительное место (от 10 до 13,7%) занимали рабочие кустарно-ремесленной промышленности, а в Краснодаре и Астрахани — рабочие, занятые в сельскохозяйственном производстве. Практически во всех городах имелись большие группы чернорабочих. Особенно много их было в Ташкенте, Самарканде, Краснодаре, Киеве, Оренбурге, Саратове, Казани, Астрахани⁴.

Среди горожан в те годы имелось немало и безработных, причем тем больше, чем крупнее был город⁵. Это были не только представители рабочих профессий, но и те, кого в 20-е годы называли лицами интеллигентного труда, — преподаватели общеобразовательной и высшей школы, врачи, фельдшеры, работники культурно-просветительных учреждений и др.

Что касается коммунального хозяйства городов, то, недостаточно развитое и в пореволюционный период, оно понесло значительный урон во время первой мировой и гражданской войн. В Москве и Ленинграде еще существовали ночлежные дома. Средняя норма жилой площади на одного жителя в промышленных центрах составляла в 1926 г. 4—5 кв. метров. К началу 1-й пятилетки водопровод имелся в 41% городов, нормально действующая канализация — в 3,5%, трамваи и автобусы ходили лишь в 10 городах⁶.

Уже в первом пятилетнем плане развитию городов отводилось значительное место. В конце 20 — начале 30-х годов интерес к проблемам социалистической урбанизации стали проявлять и самые широкие слои общественности. Вышло множество книг и брошюр, адресованных читателям всех возрастов, о «новом городе», «советском городе», «городах будущего». Понятие «город» изучалось в школе. Знакомить с родным городом жителей и его гостей предписывалось краоведам и экскурсоводам. Предлагалось в Москве проводить «Неделю города», а в стране — ежегодно «Праздник города».

Этот интерес отражал общий подъем творческой активности масс. Одни предлагали строить города вширь, другие — ввысь. Призывы к созданию каменных громад и массивов перемежались с не менее страстными доводами в пользу городского сада. Споры носили порой ожесточенный характер, но в одном сходились все: и на научных обсуждениях, и в рабочих клубах, и в цехах, и на страницах массовой периодики речь шла о строительстве социалистического города, или, как тогда говорили, соцгорода. Социалистический город, считала Н. К. Крушская, должен отвечать задачам «наилучшей организации населения». Она выступала за сочетание труда в промышленности и в земледелии на одной рабочей неделе. На схожих позициях стояли А. В. Шусев и ряд других ведущих архитекторов. Эти позиции отстаивали работники Госплана СССР. С. Г. Струмилин характеризовал соцгород как комбинат, сочетающий потребности городской и сельской индустрии, обеспечивающий оборот смен, из которых одна работает в деревне, а другая — в городе⁷.

Новый советский город рассматривался как социальный организм, своими корнями связанный с революционным переустройством общества, с процессом станов-

³ Василькина Л. И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации. М. 1981, с. 49—50.

⁴ Там же, с. 52—53.

⁵ В середине 1920-х годов на долю безработных приходилось 7,4% общей численности горожан. На селе эта прослойка составляла 0,2% (подробнее см.: Рогачевская Л. С. Ликвидация безработицы в СССР, 1917—1930 гг. М. 1975).

⁶ Ушаков Н. Основные вопросы социалистической реконструкции городов и жилищно-коммунального хозяйства. М.—Л. 1933, с. 15; Ионас В. Я. Городское жилищное строительство в СССР за 40 лет. М. 1958, с. 13.

⁷ К проблеме строительства социалистического города. М. 1930, с. 47—53, 73.

ления социалистической культуры. Многими поддерживалась идея обобществления быта, признавая не только освободить миллионы рабочих рук для творческих занятий, но и укрепить начала коллективизма в повседневной жизни. В обиход вошел тезис: «Новый город требует нового человека».

Вот как рисовалась, например, Москва в одном из наиболее известных проектов конца 20-х годов: «Громадный и солнечный город-сад с величественными общественными дворцами». К 70-м годам в ней уже не должно было быть прежних контрастов центра и окраин, каменного и деревянного массивов, высотного и малоэтажного. Уютные кварталы из двух-, трехэтажных домов, парки с театрами и зеленые садоводческие полосы насаждений, а на их фоне — Дворец труда из белого уральского мрамора, Академический комплекс в районе Румянцевского музея, Торговый центр в Китай-городе, Воробьевы (Ленинские) горы с громадным памятником вождю, превращенные в спортивный городок, и т. д. Автомобили, метрополитен, электричка, движущиеся тротуары, дирижабли призваны были объединить отдельные части города в единое целое. Одновременно разрабатывалась схема развития городов, кольцом окружавших столицу и тяготевших к ней. Сюда входили Дмитров, Подольск, Воскресенск (Истра), Звенигород, Богородск (Ногинск), Сергиев Посад (Загорск), а также уездные города не только Московской, но и соседних губерний.

Одними из наиболее известных были проекты новых Сталинграда (Волгограда) и Новокузнецка, подготовленные братьями В. А. и А. А. Вескиными. Речь шла о домах-коммунах с комнатами для сна, отдыха и «простейших занятий», о коллективном пользовании расположенными в этих же домах библиотеками, читальными и спортивными залами, киноаудиториями, солиями, бассейнами. Разрабатывались и широко обсуждались планы строительства Магнитогорска. На конкурс было представлено 16 проектов. Совет жюри возглавляли А. В. Луначарский и председатель Правительственной комиссии по строительству новых городов Н. А. Миклутич⁸. Архитекторы и планировщики, экономисты и хозяйственники, связанные с проектировкой и возведением новых жилых домов, кварталов, верили в реальность самого быстрого продвижения вперед в деле городского строительства. Уверенность в осуществлении новых градостроительных идей внушали им уже достигнутые страной успехи. «Время, вперед!» — это был девиз не только строителей и промышленных рабочих, но и всей страны.

Однако вышеперечисленные и многие другие градостроительные проекты были слишком далеки от реальности. Городское строительство на начальном этапе индустриализации и в годы первой пятилетки не имело возможностей для значительного увеличения темпов роста. Во-первых, восстановление городского хозяйства закончилось намного позже, чем восстановление народного хозяйства в целом. Во-вторых, в связи с индустриализацией население городов росло вдвое быстрее, чем предполагалось. При ежегодном увеличении его численности на 5,6% фонд жилой площади возрастал лишь на 4,1% в год⁹. ЦК партии счел необходимым (май 1930 г.) указать на недопустимость попыток «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны¹⁰.

Выступая на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Г. К. Орджоникидзе привел такие цифры: при общей стоимости основных цехов Харьковского тракторного завода в 11,4 млн. руб. жилищное и культурно-бытовое строительство для его рабочих должно было по смете обойтись более чем в 19 млн. руб., но Нижегородскому (Горьковскому) автозаводу — соответствен-

⁸ Революция и культура, 1930, № 1, с. 68; Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. М. 1980, с. 142—143.

⁹ Лурия К. К. Жилищно-бытовое строительство СССР за 15 лет. М.—Л. 1932, с. 20.

¹⁰ ВКСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 5, с. 118.

но 23 и 28,5 млн. руб., и т. д. Пока «такое соотношение между заводом и всем остальным недопустимо. Никто этого не поднимет»¹¹, — сказал Серго.

Особенно трудно приходилось жителям новых городов — Сталинска, Магнитогорска, Хибингорска (Кировска), Комсомольска-на-Амуре и других первенцев социалистической урбанизации. Здесь все начинали с «нуля» — с палаток, землянок, железнодорожных вагончиков, бараков. К октябрю 1930 г. население Сталинска достигло 40 тыс. человек, причем четвертая их часть ютилась в землянках. Не хватало школ, больниц, магазинов. Горожан обслуживало всего два врача, а право внеочередного посещения бани предоставлялось за ударную работу. Еще стремительнее увеличивалось население Магнитогорска. В сентябре 1930 г. здесь насчитывалось 30 тыс., спустя полгода — свыше 100 тыс., а летом 1931 г. — около 160 тысяч жителей. Почти все они жили во временках. По признанию руководителей стройки, никто из них точно не знал, сколько нужно городу бань и сапожных мастерских, портных и прачек, сколько требуется учителей и школьных зданий¹².

Правда, на трудности поначалу смотрели с оптимизмом, и воспринимались они как временные. Рядом с землянками и бараками стремительно поднимались дома, электростанции, бляхминги. В 1935 г., вспоминая первую пятилетку, начальник Магнитостроя Я. С. Гугель говорил: «Считалось даже неприличным, «несоциалистичным» уделять в такое время слишком много времени личным удобствам. Это притупляло наше внимание к тому, что являлось важнейшей предпосылкой успешной борьбы на тягчайшем участке»¹³. Надо добавить, что строители новых городов и в Кузбассе, и на Урале, и на Дальнем Востоке были в основном молоды и поэтому стойко переносили неудобства¹⁴. Самому Гугелю, когда он возглавил строительство, было всего 26 лет.

Однако время шло, а трудности и неудобства приобретали устойчивый характер. Они отрицательно сказывались на формировании стабильных производственных коллективов, снижалась трудовая дисциплина. В июне 1931 г. Пленум ЦК рассмотрел проблемы развития городского хозяйства страны, которые, по словам В. В. Куйбышева, «считались до последнего времени вопросами второстепенными»¹⁵. Пленум поставил «боевую задачу скорейшей ликвидации отставания городского хозяйства от общего развития и решительного перелома в темпах его развития»¹⁶. В связи с этим были намечены основные направления строительства городского хозяйства страны, причем особое внимание уделялось Москве, которую предполагалось сделать «образцом для всего Союза и своего рода лабораторией строительства городов»¹⁷.

Осенью 1931 г. председатель ВСНХ СССР Г. К. Орджоникидзе посетил ряд новостроек. Выступая там, он говорил, что еще немало нужно сделать для развития градостроительства, для возведения в подлинном смысле слова «социалистических городов». Это касается и общей их планировки, и архитектуры, и благоустройства жилищ, и организации культурно-просветительной работы, и налаживания быта и т. д.¹⁸. Программы жилищно-бытового строительства, однако, выполнялись медленно. В 1932 г. по Магнитострою выполнение составило 21,1%, по Горьковскому автозаводу — 22,1%, в Сталинске тогда не был сдан ни один объект¹⁹.

На основании указаний партии проблемы развития городов более тщательно, чем прежде, были проанализированы при подготовке второго пятилетнего плана. Ассигнования на коммунальное, жилищное и культурное строительство должны

¹¹ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. В 2-х тт. Т. 2. М. 1957, с. 272—273.

¹² Хавин А. Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М. 1962, с. 130; Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк. 1971, с. 103.

¹³ Слово о Магнитке. М. 1979, с. 81.

¹⁴ 60% строителей Магнитки в 1932 г. составляла молодежь (Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929—1941). Сб. док. и м-лов. Челябинск. 1965, с. 121).

¹⁵ Куйбышев В. В. Избранные произведения. М. 1958, с. 309.

¹⁶ КПСС в резолюциях. Т. 5, с. 315.

¹⁷ Куйбышев В. В. Ук. соч., с. 340.

¹⁸ Хавин А. Ф. Ук. соч., с. 129—130.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 17, д. 397, л. 1.

были составить четверть всех капитальных вложений в народное хозяйство²⁰. Все более последовательно в практику градостроительства внедрялись плановые начала. Составлялись проекты планировки и реконструкции городов. В июле 1935 г. был утвержден Генеральный план реконструкции Москвы. За годы 2-й пятилетки в городах страны прибавилось 26,8 млн. кв. м жилой площади — на 5,3 млн. больше, чем за 1-ю пятилетку.

Большую часть нового жилого фонда составляли кирпичные дома, значительно сократилась доля временного строительства. Города становились «выше»: в 1935 г. почти четверть построенных в стране домов составляли имеющие пять и более этажей. В Москве и Ленинграде такими были почти все. Новые дома были более благоустроенными. Три четверти из них строились с туалетами. В больших городах все больше квартир имели ванны. Развивалась газификация жилья. Теперь многие хозяйки реже стирали белье и готовили пищу в жилых комнатах. По данным единовременного учета 1937 г. жилая площадь городов, обслуживаемая водопроводом, составляла 52,8%, канализацией — 43,7%, центральным отоплением — 18,6%, электроосвещением — 92,5%²¹.

Развивался и городской транспорт. Его мощности в годы 2-й пятилетки в отличие от предыдущего периода росли быстрее, чем число перевезенных пассажиров. К началу 1938 г. уже в 250 городах имелся городской транспорт²². Наряду с трамваем и автобусом в шести крупнейших городах на улицы вышел троллейбус. Как большой праздник отметили москвичи открытие в 1935 г. метрополитена. Метро стало не просто одним из видов городского транспорта — оно стало символом достигнутой страны, гордостью всего Союза. «Наше метро — лучшее в мире», — говорили в то время. В 1937 г. в столице уже было немало легковых такси, появились и первые грузовые²³.

Города становились более чистыми и зелеными. В 1934 г. был освоен выпуск отечественных машин для уборки улиц, а уже в 1936—1937 гг. эти работы только в РСФСР начали механизировать в 40 городах. Активное участие в благоустройстве городов приняли рабочие. По почину шахтеров Горловки в стране началось соревнование городов по восстановлению и сохранению жилищного фонда, его благоустройству. В 1934 г. в конкурс включились более 600 городов и рабочих поселков²⁴, а в 1935 г. — уже 904.

Во главе движения за культуру быта шли коммунисты. Бюро Горьковского крайкома ВКП(б) рассмотрело 2 апреля 1935 г. вопрос «О сохранности жилищного фонда и об ответственности коммунистов за культурное состояние своих квартир» и подчеркнул: «В борьбе за культуру быта, в частности, за культурную, чистую квартиру коммунисты, в первую очередь, обязаны показывать пример для других»; некоторые члены партии, квартиры которых, как показали проверки, находились в антисанитарном состоянии, получили взыскания²⁵. Этот факт был далеко не единичным и свидетельствовал о многом: об осознании важности жилищно-бытовых проблем, о трудностях (в том числе и психологических) их решения.

Работа по благоустройству — ремонт жилых домов, улучшение санитарного состояния городов, их озеленение, дорожное строительство и т. д. — приносила результаты. Впервые в 1935 г. был выполнен план ремонта жилищного фонда²⁶. Укреплялась материально-техническая база городского здравоохранения, росла сеть детских дошкольных учреждений.

В 1935 г. была отменена существовавшая почти семь лет карточная система снабжения городского населения. Ширилась сеть магазинов, появились первые универсамы. В газетах после долгого перерыва снова публиковались объявления. Рекламировались среди прочего утки, гуси, сибирские пельмени, всевозможные консервы, колбасы, кондитерские изделия; предлагалось посещать кафе и рестораны,

²⁰ КПСС в резолюциях. Т. 6, с. 121.

²¹ Социалистический город, 1937, № 1, с. 7—9; Заславский А. А. Жилищно-коммунальное хозяйство СССР, М.—Л. 1948, с. 30.

²² Петров В. К., Сосин В. Г. Городской транспорт, М.—Л. 1939, с. 14.

²³ Мотор, 1938, № 7, с. 17.

²⁴ За социалистическую реконструкцию городов, 1934, № 1, с. 9—10.

²⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 21, д. 863, л. 104.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 7544, оп. 1, д. 818, лл. 2—5.

парфюмерные и меховые магазины, пользоваться разнообразными услугами типа «Гастрономия на дом!», «Доставка обедов на дом!». Проводились выставки промышленных товаров, демонстрации мод. Их посещали десятки тысяч людей.

Естественно, нельзя преувеличивать уровень материального благосостояния жителей советских городов в те годы. Слишком много еще стояло перед страпой нерешенных проблем, и среди них по-прежнему одна из самых сложных и острых — жилищная. Однако не случайно в памяти довоенного поколения 2-я и 3-я пятилетки остались как годы быстро нарастающего повышения уровня жизни в городах. После тяжелых лишений достижения были особенно очевидны и многообещающи. И дело заключалось, конечно, не только в количестве выстроенного жилья или проданных, чрезвычайно модных тогда, патефонов. Все более явственно давал себя знать социальный прогресс, отражавший общие достижения социализма.

Изменился социальный облик городов. Уже в 1933 г. 88% горожан составляли рабочие и служащие, в основном завершилось кооперирование кустарей и ремесленников, частные хозяева с наемными рабочими в новых городах отсутствовали практически с самого начала, минимальной была частная торговля, безраздельно господствовала общественная собственность. Это определяло во многом характер трудовой жизни, процесс дальнейшего формирования новых общественных отношений. «Мы живем в городе, где нет старьевщиков и сплетен. В нашем городе нет ни одного торговца, ни одного не трудового человека. У нас нет ломбарда, старого сапожника, бродячих музыкантов, беспризорных, гадалок и повивальных бабок»²⁷, — говорили рабочие Новокузнецка. 89% населения городов Кузбасса по переписи 1931 г. составляли рабочие и служащие²⁸. «Вот точка мира, — писал о своих впечатлениях после поездки в Магнитогорск известный партийный и профсоюзный деятель В. И. Полонский, — где буквально на сто процентов осуществляется лозунг: не трудящийся — не ест. Человек, который пожелал бы бездельничать на Магнитострое, был бы очень скоро изгнан с территории строительства. Для него не нашлось бы ни ночлега, ни куска хлеба. Право на жизнь здесь приобретает трудом»²⁹.

После 1930 г. право на труд было уже реально обеспечено, исчезли очереди («жданки», как тогда говорили) из сотен тысяч способных к труду людей, которые еще совсем недавно сутками выставляли на биржах труда и, не найдя работы, передко пополняли ряды городского «дна». Отсутствие безработицы оказало позитивное влияние на нравственный климат в трудовых коллективах, в семье, на мироощущение миллионов людей, было важным шагом в преодолении таких негативных явлений, как протекционизм при приеме на работу («кумовство»), преступность и т. п. Однако прежде всего ликвидация безработицы стала необходимой предпосылкой утверждения трудового характера советского образа жизни.

Расширились возможности профессионального выбора, что было особенно важно для молодежи. И если еще в 20-е годы она чаще всего начинала свой трудовой путь там, где в условиях безработицы удавалось найти место, то уже через несколько лет положение резко изменилось. При выборе профессии оценивались прежде всего содержание, условия труда, возможности для профессионального роста. Предпочтение отдавалось технически передовым отраслям, работе, требующей высокой квалификации.

Число таких рабочих мест по мере развертывания индустриализации возрастало. Увеличивался удельный вес работ, связанных с обслуживанием сложных механизмов. При общем росте числа металлистов с 1926 по 1939 г. в 4,4 раза количество токарей увеличилось в 6,8 раза, фрезеровщиков — в 13 раз, станочников других профилей — в 14 раз, инструментальщиков и лекальщиков — в 12,2 раза³⁰. Овладение новой техникой требовало от работника постоянного профессионального

²⁷ Комсомольская правда, 12.X.1934.

²⁸ Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск. 1931, с. XI.

²⁹ Полонский В. Магнитострой. М. 1931, с. 43.

³⁰ Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М. 1973, с. 92.

совершенствования, общего культурного роста. Все менее значимыми для успешной профессиональной деятельности становились навыки, приобретаемые долгими годами работы на производстве. Профсоюзная перепись 1929 г. показала, что один год обучения для увеличения эффективности труда соответствовал приблизительно двум с половиной годам трудового стажа³¹. В связи с этим широкий размах приобрели различные формы профессиональной подготовки без отрыва от производства.

После введения 7-часового рабочего дня увеличился бюджет свободного времени, которое трудящиеся могли использовать для самообразования, участия в общественной работе, развлечений³². Значительные успехи были достигнуты в ликвидации неграмотности. Все больше людей садилось за парту. Если в 1925/26 уч. г. в городских начальных, семилетних и средних школах, школах рабочей молодежи и общеобразовательных школах взрослых обучалось 2,6 млн., то в 1939/40 уч. г. — 10,5 млн. человек³³. Выросло число средних и высших специальных учебных заведений. Кроме того, горожане занимались в сети политического просвещения, разнообразных кружках при клубах и т. д. Не будет преувеличением сказать, что учились практически все. Учеба рассматривалась как гражданский долг, как почетная обязанность.

Рост грамотности способствовал резкому увеличению интереса к литературе. В массовых библиотеках Москвы один читатель брал в среднем 6—15 книг в год, в профсоюзных — 20—30 книг. К 1937 г. этот показатель в промышленных центрах страны достиг 46 книг в год³⁴. Создание домашних библиотек, очереди за книгами в магазинах и библиотеках — характерное явление второй половины 30-х годов. В 1936 г., согласно проведенному опросу, 76,7% молодых рабочих читали газеты, более двух третей из них имели собственные книги³⁵. Наиболее популярными в рабочих семьях были «Тихий Дон» М. А. Шолохова (его читали 27,3% опрошенных рабочих), «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (25,6%), «Мать» М. Горького (24,5%), затем шли «Чапаев» Д. А. Фурманова, «Поднятая целина» М. А. Шолохова, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Цемент» Ф. В. Гладкова, «Разгром» А. А. Фадеева, «Петр Первый» А. Н. Толстого, «Железный поток» А. С. Серафимовича и др.³⁶.

Самым массовым видом искусства становилось кино. На смену немому кинематографу на глазах довоенного поколения пришли звуковые ленты. Основная часть звуковых установок сосредоточивалась в то время именно в городах. Демонстрация каждого нового фильма была большим общественным событием. Наиболее популярные кинокартины смотрели по многу раз, восполняя таким образом относительную скудость репертуара. Выражения, манера поведения любимых киногероев прочно входили в жизнь, служили предметом подражания. Число посетителей городских кинотеатров только в 1938 г. составило 529 млн. человек. Фильм «Чапаев» к 1939 г. посмотрело более 50 млн. зрителей, «Петр Первый» — 23 млн., «Ленин в Октябре» — 21 млн., «Юность Максима» и «Возвращение Максима» — 20 млн.³⁷. Большой популярностью пользовались также фильмы «Мы из Kronштадта», «Депутат Балтики», «Человек с ружьем», «Александр Невский», «Ленин в 1918 году», «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Трактористы». «Все близко принимали к сердцу, — вспоминал А. Х. Бусыгин, — не хотели верить, что на экране появляются артисты, а не подлинные герои. Не раз пытались представить себе, где сейчас неразлучные клоуны Пат и Паташон, как складывается жизнь вчерашних беспризорников из кинофильма «Путевка в жизнь». Неизгладимое впечатление оставалось от «Чапаева».

³¹ Плановое хозяйство, 1930, № 7—8, с. 292.

³² Труд в СССР. Экономико-статистический справочник. М.—Л. 1932, с. 169.

³³ Культурное строительство СССР. Стат. сб. М. 1956, с. 78; подробнее см.: Куманав В. А. Революция и просвещение масс. М. 1973.

³⁴ Шомракова И. А. Массовый читатель первой половины 30-х годов XX в. В кн.: История русского читателя. Сб. научных трудов. Л. 1982, с. 69; см. также: Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. М. 1970.

³⁵ Социальный облик рабочей молодежи. По материалам социологических обследований 1936 и 1972 гг. М. 1980, с. 38.

³⁶ Правда, 8.V.1936.

³⁷ Правда, 10.II.1939.

Его смотрели несколько раз... восторженно приветствуя разгром белых, уходили со слезами на глазах, отказываясь верить в гибель легендарного мячдыва»³⁸.

В 30-е годы одной из примет повседневной жизни в городах стало радио. Еще в конце 20-х годов оно было редкостью. Решить проблему позволили радиотрансляционные точки. Накануне войны они составляли подавляющее большинство всех радиоприемных устройств, общая численность которых достигла 7 миллионов³⁹. Уже с 1 января 1929 г. советское радио работало по твердому графику. Теперь программы радиопередат становились все более разнообразными: литературные композиции, радиопьесы, музыкальные программы, спортивные репортажи. С августа 1932 г. четыре раза в день стали передаваться выпуски последних известий. Радио любили и нередко слушали часами, особенно дети.

К концу 2-й пятилетки в стране действовало 702 театра⁴⁰. С успехом шли пьесы «Интервенция» Л. И. Славина, «На берегу Невы» К. А. Тренева, «Человек с ружьем» Н. Ф. Погодина, «Слава» В. М. Гусева, «Садют, Испания!» А. Н. Афиногенова, «Оптимистическая трагедия» В. В. Вишневского, «Платон Кречет» и «Гибель эскадры» А. Е. Корнейчука и мн. др. Сложились плеяда талантливых драматических, оперных и балетных артистов. На всю страну звучали песни И. О. Дунаевского, М. И. Блантера, А. В. Александрова, братьев Покрасс, В. Г. Захарова⁴¹.

И повседневный быт горожанина прочно вошел парки культуры и отдыха. В 1928 г. в Москве был построен первый парк культуры и отдыха, современники называли его «Магнитостроем социалистической культуры». К концу второй пятилетки парки действовали практически во всех городах страны. В них проводились политические мероприятия, выставки, демонстрировались кинофильмы, гастролировали театры. Традицией стали народные гулянья в честь революционных праздников, значительных событий в жизни страны.

Все эти факты свидетельствовали о значительных переменах в образе жизни населения советских городов. Однако конкретные обоснования бюджета времени городских рабочих зафиксировали на первый взгляд парадоксальную картину. В 1936 г., например, по сравнению с 1923—1924 гг. затраты их времени на повседневную культурную жизнь снизились с 6,7 до 5,5 час. в неделю (в расчете на условного взрослого члена семьи), в том числе на чтение газет — с 2,9 до 1,8 час., чтение книг — с 2,4 до 1 часа. Лишь с 0,6 до 0,7 час. увеличились затраты времени на посещение кинотеатров и театров, зато с 6,2 до 7,6 час. — на встречи,хождение в гости, танцы и т. п. Почему?

В определенной степени потому, что материально-техническая база городской культуры оставалась еще достаточно слабой. Играло роль и то, что рост обеспеченности горожан передо порождал стремление к материальным благам за счет духовных. Между прочим, столь знакомый нам сейчас образ нечитающего собирателя книг появился в газетных фельетонах уже в 30-е годы. Однако главной причиной указанных явлений был массовый приток в города, в ряды рабочего класса новых пополнений из деревни⁴². Это являлось важнейшим социальным следствием индустриализации и одновременно необходимым условием развития страны, превращение ее из «деревенской» в «городскую». Так, в 1926—1939 гг. миграция из деревни дала 63% прироста населения советских городов⁴³.

Судьбы бывших крестьян складывались в городах по-разному. Одним удавалось сравнительно просто найти свое место в новых условиях, другие переживали период адаптации болезненно. «Везде и всюду я сталкиваюсь с необходимостью

³⁸ Лельчук В. С. Александр Бусыгин. В кн.: Новаторы. М. 1972, с. 142.

³⁹ Гуревич П. С., Ружников В. Н. Советское радиовещание. Страницы истории. М. 1976, с. 153.

⁴⁰ Культурное строительство СССР. Стат. сб. М.—Л. 1940, с. 184.

⁴¹ Подробнее см.: Слонимский Ю. И. Советский балет. М.—Л. 1950; Данилевич Л. В. Книга о советской музыке. М. 1969; История советского драматического театра Т. 2—3. М. 1966—1971.

⁴² Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оникс Л. А. Черты социалистического образа жизни. Быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М. 1977, с. 51, 149.

⁴³ Рашин А. Г. Рост городского населения в СССР (1926—1959 гг.). В кн.: Исторические записки. Т. 66, с. 270.

знаний, а знаний нет»⁴⁴, — рассказывала работница стскольного завода в г. Гусь-Хрустальный. На низкий культурный уровень как существенную помеху осуществления своих жизненных планов указывали многие стахановцы — выходцы из деревни. В годы первых пятилеток возникло немало починов передовых рабочих, бравших на себя обязательство обучить новичков профессии и помогавших им в повседневной жизни. Для людей, привыкших к тесным соседским контактам в деревне, такое общение с кадровыми рабочими было особенно важно и необходимо. Оказывали помощь партийные и советские органы, комсомол и профсоюзы.

Если профессиональ втягивание крестьяне овладевали все-таки достаточно быстро, то к общекультурным нормам и стереотипам поведения в городе они приобщались с большим трудом. Селились они обычно на городских окраинах, в своеобразных «городских деревнях». Здесь у деревенских мигрантов были, как правило, земляки, знакомые, родственники. «Для многих поселок является первой ступенькой в большой столичный мир Москвы — речь идет о людях, пришедших из деревни»⁴⁵, — писал автор очерка об автозаводском поселке Кожухово под Москвой. Значительная часть новых рабочих, однако, подолгу оставалась на этой первой ступеньке. Иногда годами они не выезжали в центр города, информацию черпали в слухах, и их поведение в быту не претерпевало существенных изменений.

«По тротуару, около самих домов, взад и вперед гуляют девчата и парни. Девчата и парни одинаково старательно лущат семечки. У ворот широко, по-деревенски заливается «венская». Около стен домов на ступеньках сидят пожилые и старые жевачилы. Оберегая молодежь, они квохчут, одевая ту или иную парочку и упиваясь сплетнями»⁴⁶, — так описывал современник жизнь ленинградской окраины конца 20-х годов. Спустя почти 10 лет корреспондент «Комсомольской правды», побывавший на московской рабочей окраине в районе завода «Красный богатырь» и познакомившийся с работницами, приехавшими из деревни, писал: «Жизнь этих девушек складывается так: работа, после работы гулянье по Сокольническому кругу, а затем идут спать. Молодая работница В. за два года жизни в Москве ни разу не была в кино и не видела метро»⁴⁷.

Выходцы из деревни довоенных лет сохраняли традиционные связи и в послевоенные годы. До середины 70-х годов на своеобразную «улицу» — деревенские гулянья с частушками и плясками, — возникшую еще до войны, в одном из ленинградских парков каждую субботу и воскресенье собирались рабочие Выборгской стороны. «В парк эти люди ходят годами. Знакомятся, жещатся, выходят замуж, расходятся... И обо всем этом, о своих личных переживаниях поют в этих маленьких песенках»⁴⁸.

Среди выходцев из деревни были, правда, и такие, кто не держался за привычный образ жизни, а стремился поскорее приобщиться к городским обычаям. Однако подчас они перенимали «лишь показную сторону городской культуры, часто принимая за городское то, что совсем не свойственно городу»⁴⁹. Отсюда стремление одеться поярче, ориентация на «городских пияжиров», перемена вкуса в зависимости от увиденного в магазинах «Торговля с иностранцами» («дочери Торгсина», «кленшницы» и т. п.) или даже перемена имени: Надежду меняли на Нэлли, Марию на Мари. Для многих из них стремление к приобретению вещей побуждало стремление к приобретению «других благ культуры»⁵⁰. Культурное развитие миллионов новых горожан, пришедших из деревни, было процессом длительным и непростым. Однако само по себе их приобщение к городскому образу жизни, независимо от того, насколько далеко оно продвинулось, свидетельствовало о значительном социальном и культурном прогрессе советского общества.

В начале 1939 г. в городах проживало уже более 56 млн. человек — треть всего

⁴⁴ Комсомольская правда, 2.VIII.1936.

⁴⁵ Правда, 22.XII.1937.

⁴⁶ Жигалов И. Новые рабочие, М. 1928, с. 50.

⁴⁷ Комсомольская правда, 11.X.1936.

⁴⁸ Шаповалова Г. Г. Деревенская частушка в городе. В кн.: Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л. 1977, с. 83—85.

⁴⁹ Комсомольская правда, 11.X.1936.

⁵⁰ Молодая гвардия, 1932, № 8—9, с. 160; Комсомольская правда, 14.VI.1935; Работы завода «Динамо». М. 1934, с. 58—59.

населения страны. Число городов с населением не менее 100 тыс. достигло 82; в разряд крупных перешли, например, Магнитогорск, Сталинск, Караганда. Выросли почти в два раза Москва и Ленинград. Удельный вес грамотных горожан в возрасте 9—49 лет увеличился с 80,9% в 1926 до 93,8%. Почти 1 млн. жителей городов имел высшее образование, почти 10 млн. — незаконченное высшее и среднее, включая неполное среднее⁵¹. Существенно изменялись географические рамки размещения городов. С 1926 по 1939 г. возникло 214 новых центров, причем значительная часть — в связи с освоением новых районов и индустриализацией ранее отсталых, аграрных. Наряду с исторически сложившимися высокоурбанизированными зонами в европейской части СССР возникли новые — на востоке страны.

Эти цифры отражают бурный процесс становления промышленных центров. Продолжали расти старые города, возникали новые, значительно укреплялся их экономический потенциал. Однако средства на расширение материально-технической базы городской культуры, жилищное и коммунальное строительство выделялись, как правило, по остаточному принципу. Развитие культуры городов в связи с ростом числа горожан за счет деревенских пополнений шло в тот период не столько вглубь, сколько вширь. В определенной мере поэтому еще и сегодня перед нашим обществом остро стоят проблемы интенсивного развития городов, укрепления и эффективного использования их научно-технического, экономического и культурного потенциала, совершенствования социалистического образа жизни.

⁵¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том). М., 1962, с. 13, 81, 88.